

Юрский-экзорцист | Yourski l'exorciseur

Auteur: Жорж Нива (пер. Н. Сикорской), [Женева](#) , 13.02.2019.

Сергей Юрский (16 марта 1935 – 8 февраля 2019). Женева, 2010 г. (photo Nashagazeta)

Увы, участились в Нашей Газете статьи памяти... 8 февраля 2019 года не стало прекрасного актера Сергея Юрского, не раз выступавшего в Женеве. О нем вспоминает его близкий друг, известный славист, почетный профессор Женевского университета Жорж Нива.

|

Hélas, les articles in memoriam deviennent de plus en plus souvent dans Nasha Gazeta. Le

8 février dernier le grand acteur russe Sergueï Yourski, souvent applaudi à Genève, a quitté ce monde. Professeur Georges Nivat s'en souvient.

Yourski l'exorciseur

От Сергея Юрского осталось около двадцати ролей в театральных архивах и воспоминаниях современников, еще с пятьдесят – в кино- и телефильмах, полдюжины сочинений в прозе и несколько сотен моноспектаклей, где единственным его инструментом был его голос. Мэтр визуальной, этой второй, по определению эфемерной, реальности, он в еще большей степени был мэтром человеческого голоса.

Голос этот остался – теплый, достаточно высокий, но способный превратиться по очереди в каждый из инструментов огромного оркестра, голос в сочетании с улыбкой, всегда готовый превратить его лицо в доброжелательную карнавальную маску. Этот голос был способен преобразить окружающее его пространство в амфитеатр, в античный театр, центр которого был он, а языком – русский, а не греческий.

Наполненный этим голосом, мир превращался в точную науку о звуке, в звуковое кружево, во фреску акрополя. Не случайно Юрский дружил с так любившим античность Бродским и посвятил ему одно из лучших своих стихотворений, «Театральное». Много раз я восторгом смотрел и слушал этот монолог Юрского, разворачивающийся перед греческим городом, который мог быть Коринфом или Спартой.

Юрский раздваивался с потрясающей легкостью, он превращался то в безымянного гостя, стучащего ночью в Городские ворота, то в хор подозрительных горожан на стене. Метаморфоза происходила на наших глазах посредством мельчайших жестов и малейших изменений интонации. Он практиковал такие метаморфозы в жизни, как и в театре, поскольку любил включать театр в повседневную жизнь, и надо было не терять бдительности: любой пустяк могла подействовать на него, пока мы сидели на террасе кафе, и вот он был уже не он, а персонаж Зощенко или пушкинский Дубровский или грибоедовский Чацкий, вставивший в разговор совершенно уместное наблюдение. Юрский был безгранично щедр по отношению к своей безграничной аудитории. В этом смысле он напоминал мне Жана-Луи Барро, другого великого актера, считавшего зрителя «содейтелем» того чуда, коим является любой хороший спектакль. Главным талантом Барро было мимическое искусство. Юрский же был клоуном – не зря он был сыном директора Ленинградского цирка, попавшего в опалу и отправленного в Саратов, когда Сереже был год. Так что был он клоуном, а еще виртуозным танцором-акробатом, но с возрастом становился прежде всего чтецом, акробатом слова.

Его великолепный голос обладал уникальным даром обнажать, очищать и вновь связывать воедино стихи и прозу. Сначала стихи. Его исполнение «Евгения Онегина» было и остается, благодаря записям, непревзойденным шедевром. В нем нет ничего естественного, ничего, но нет и ничего фальшивого, просто пушкинская строфа проходила через дыхательную мельницу Юрского и выходила неподражаемой, одновременно и полностью воссозданной, и видоизмененной.

«Человек, пришедший ниоткуда», этот «чудак», танцевавший перед академиками

Этнологического музея словно один из братьев Маркс, обожаемый всем Советским Союзом Остап Бендер, украшающий, в бронзе, вход в «Бродячую собаку» в Санкт-Петербурге... Все его первые большие комические роли возвели его на некое облако, дозволенное и даже поощрявшееся коммунистической системой в качестве ширмы ее трагической изнанки; облако энергии, молодости, предприимчивости, от которого, кстати, позже ему придется отказаться.

Между БДТ в Ленинграде, где он был одним из любимых молодых артистов Товстоногова, и театрами Москвы после «переезда» он переиграл все, от Грибоедова до Гоголя и Горького. Спектакль «Горе от ума» Товстоногова останется в памяти видевших его еще и из-за доли присутствовавшей в нем трагичности. В ответ на вопрос о перепадах его карьеры, в особенности о переезде из Ленинграда в Москву, он обычно отшучивался, но всегда упоминал страх. Дело в том, что встреча с опальным Солженицыным резко закрыла ему двери Ленфильма и БДТ – пришлось искать убежище в менее суровой Москве. Страх, который сопровождал всех больших Артистов огромной театральной, балетной и музыкальной вселенной Советского Союза не был абстракцией. Роль шута в сталинской вселенной была опасной, какой всегда бывает роль королевского шута.

Его переезд в Москву был связан со вторым браком – с Натальей Теняковой, также наделенной огромным талантом, прекрасной в комических ролях. Вместе они играли родителей Базарова в фильме Авдотьи Смирновой «Отцы и дети» - оба в нем незабываемы и более правдивы, чем сама жизнь... Они часто играли втроем с дочерью Дарьей, после того как, вслед за хаосом ельцинской поры, Юрий рискнул попробовать себя в роли постановщика и директора театра. Лучшим моментом этой новой карьеры стали, наверное, «Стулья» Ионеско в Школе современного искусства. Но были и «Игроки XXI», довольно безумная, в гоголевском стиле интерпретация хаоса и бандитизма, царивших в период распада Советского Союза. И, конечно, «Сталин», где Юрский воплотил образ диктатора в пьесе собственного сочинения, в которой рассказал историю певицы, которая должна была попасть под сталинский топор, но вождь сдержал свой гнев, словно Шахерзада в «Тысяче и одной ночи».

(© Nashagazeta.ch)

В Женеве, куда он не раз приезжал по приглашению Русского кружка университета, он читал стихи и прозу, и всегда Зощенко, которого Юрский любил за его успокаивающий сатирический гений и невероятную тонкость языка.

Юрский не был профессиональным политическим оппозиционером, вовсе нет, но, изведав страх, мог бесстрашно поднимать голос, когда считал необходимым это сделать, в защиту заключенного в тюрьму Ходорковского, посаженного под домашний арест Серебренникова или украинского кинорежиссера Олега Сенцова. В свое время он выступал ради освобождения Pussy Riot, на несколько минут осквернивших храм Христа Спасителя.

Не то, что был он неверующим. Наоборот, он стал христианином, крестился, посещал церковь св. Василия, находившуюся напротив его дома, а также братство отца Иоанна Привалова в Архангельске, или Свято-Филаретовский православно-христианский института и его ближайший филиал в Новом Иерусалиме. Но он враждебно относился к церкви, которая запрещает и наказывает. В городе Юрского всегда открывали ворота Незнакомцу.

Он писал везде: в своей гримерной, во время долгих и утомительных поездок по стране. Постепенно сочинительство брало верх над театром, по необходимости. Осталось много опубликованного, проливающего свет на человека, артиста, актера, жонглера словами.

В деревне Эзри, во французской Верхней Савойе, была написана часть его повести «Чернов», одного из лучших прозаических сочинений Юрского. Как и все в его творчестве, она была очищена от шелухи, аккуратно выгравирована и провокационна, поскольку избавлена от всякой поверхностной психологии (за это же он любил Шукшина). В повести пересекаются две сюжетные линии, как два железнодорожных пути проходят один под другим, и стрелочник никогда их не выпрямляет...

Гениальный архитектор, низведенный до второстепенной роли в своем Институте за то, что отвергает идею «русской архитектуры», борющейся с архитектурой западной, разлученный с женой и тревожащийся за сына-эпилептика, Чернов «убил» восемь лет жизни на строительство миниатюрного поезда, чем занимался под обеденным столом, занимающим большую часть его единственной комнаты в коммунальной квартире. Человеческая жизнь – как этот маленький поезд, останавливающийся и трогаящийся с места по команде, карабкающийся, преодолевая крошечные горки. Институт Чернова познал свою долю мерзких баталий и увольнений сотрудников-евреев под видом защиты русской национальной архитектуры. Чернов – не еврей и думает, что находится вне опасности, но не участвует ни в проработках, ни в доносах. Командированный на архитектурный конгресс в Барселону, где ему поручено очернить уже эмигрировавшего коллегу-еврея (так что опасности он подвергает только себя, собственную самооценку), он прибывает туда одновременно с советским оркестром, командированным для участия в конкурсе.

Тут начинается второй путь миниатюрного поезда: особый вагон с музыкантами захвачен террористом-исламом, находящимся в Испании со смертоносной миссией. От поезда с оркестром, от его дирижера Арнольдо остается лишь гора останков на вокзале Барселоны. Пьер Ч., избежавший расправы устроитель сорвавшегося концерта, созерцает, окаменев, из окна гостиничного номера опустевший вокзал, полицейских, собирающих показания и улики. Вдруг он видит человека, бросающегося с крыши соседнего здания. Это Чернов, оказавшийся неспособным написать статью-донос и заглушить в себе голос чести. Вот и встретились наконец два маленьких поезда, породив катастрофу, которая, видимая сверху, кажется миниатюрной... До такой степени, что взгляд с воздуха на вокзал Барселоны, пустой и мертвый, с распростертым телом Чернова внизу, свидетельствует о правоте маленького поезда: все - игра. Юрский снял по повести «Чернов» фильм. Вокзал, где останавливается взятый в заложники поезд-призрак, носит написанное маленькими буквами название Эзри... Юрский играет в фильме дирижера оркестра, взорванного бомбой...

Во что играл таким образом великий Юрский? Он переживал сложный период старения актера, операции следовали одна за другой, он переносил их молча, мужественно. Он играл в игру понимания жизни, в игру сведения ее до тонкого трагикомического кружева, как он делал в своих бесчисленных выступлениях из поэзии и прозы.

По-настоящему большой актер, он мог играть один как перед пятью тысячами зрителей, так и перед пятью, что случалось во время его турне по окрестностям Колымы.

Собственно, он играл перед народом Города. Я вспоминаю его шестидесятый день рождения, после выступления в театре Бобиньи, что на бульваре Ленина. Он играл

там, почти в одиночестве, «Диббук», пьесу еврейского писателя Шалом Ан-ского, написанную по-русски, но впервые сыгранную в 1917 году в Вильно, на идише. Диббук – злой дух в ашкеназском фольклоре, вселяющийся в живого человека против его воли, на погибель ему или во спасение. Пьеса Ан-ского драматична до предела, что-то вроде еврейской вариации на «Ромео и Джульетту», с девственницей, которая должна быть отдана богатому жениху, которого она не любит. В нее вселяется диббук ее умершего жениха, следуют сцены экзорцизма... Сергей Юрский, игравший по-французски, был невероятно величественен со своим сильным акцентом, лишь усиливавшим образ раввина-экзорциста. А потом мы всю ночь праздновали его день рождения, 16 марта 2005 года. В Париж морозным утром пришлось возвращаться пешком. Бульвар Ленина тянулся бесконечно. Юрский не мог нарадоваться. Он вновь изгнал что-то из себя, из всех нас.

От редакции: На прощание предлагаем вам посвященное Иосифу Бродскому стихотворение "Театральное" в исполнении Сергея Юрского.

[Женева](#)
[памятники культуры](#)
[достопримечательности швейцарии](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/yurskiy-ekzorcist>